

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

XXIII ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ
ЛО ИВ АН СССР
(доклады и сообщения)
1988

Часть I

Москва
"НАУКА"
Главная редакция восточной литературы
1990

9. История Киргизии. Т. I. Фрунзе, 1984, с. 431.

10. Ч.Ч.Валиханов. Собрание сочинений. Т. 2. 1985, с. 7.

Е.И.Васильева

ДУХОВНОЕ НАСТАВНИЧЕСТВО В ИСТОРИИ КУРДСКИХ КНЯЖЕСКИХ СЕМЕЙ

В среде религиозных деятелей ислама, выполнявших одну из важнейших социальных функций – функцию идеологического лидера, в Курдистане можно выделить две группы. Первая функционировала в рамках нормативного ислама, и функционерами выступали ортодоксальные богословы в лице муфтия, казия, муллы, имама соборной мечети, проповедника-ваиза, преподавателя-мударриса. Однако роль ведущих идеологических функционеров в Курдистане принадлежала, как представляется, деятелям популярного, так называемого "народного"¹ ислама, который возник и развивался параллельно с исламом нормативным в виде мистических течений, известных под общим названием суфизма. Именно эта группа мусульманских религиозных деятелей, которая опиралась на институт духовного наставничества, выступала в стране курдов в качестве неформального идеологического лидера.

По заключению Т.Боа, суфии в Курдистане появились в XII столетии. Их учение получило там исключительно благоприятную почву для распространения и сразу обрело огромный потенциал для мобилизации масс. Первые суфии интересовались в основном мистическими переживаниями, общением с божеством, или Истиной. Своим ученикам они помогали прежде всего обрести такое же мировосприятие и в мистическом общении с божеством выступали, таким образом, в роли посредников.

Учитель-суфий, называвшийся шейхом (араб. "старец", "старейшина"), пиром (персидский синоним арабского термина) или муршидом ("учителем"), постепенно сам становился объектом поклонения и в глазах своих учеников-последователей обладателем сверхъестественной силы, или святости. Роль святого человека, наделенного якобы способностью творить чудеса (карамат), выступает в наборе ролей, выполнявшихся выдающимися курдскими шейхами, как главная.

Хотя в теории исполнение чудес не представляло собою, по словам С.Эдмондса, обязательной и даже желательной части из ассортимента профессиональных талантов дервишеского муршида, его авторитет среди народа на практике зависел в значительной степени от его успехов "в убеждении публики, что он действительно обладает

чудотворной силой".² В Курдистане в этом плане превыше всего ценилась приписываемая некоторым шейхам способность даровать защиту от огнестрельного оружия.

Весьма ощутимым материальным подспорьем духовной власти шейха была беспредельная преданность учеников-мюридов своему наставнику, которая давала ему основание выступать не только идеологическим лидером, но и лидером политическим. Послушание мюридов, согласно правилам дервишеских братств, должно было быть слепым и нерассуждающим.

Насколько безгранична была вера курдских адептов во всемогущество их духовного наставника, показывает рассказ К.Дж.Рича о его беседе с мюридом одного прославленного дервиша. Тот был убежден, что дервиш обладал чудесным даром понимания собеседника, на каком бы языке тот ни говорил, априорным знанием любой науки. "Более того, - рассказывал мюрид, - он знает даже то, о чем вы думаете, и, если у вас есть намерение спросить его совета, он ответит вам без вашего единого слова. Он знает [и то], что мы говорим сейчас о нем".³

Трибальная организация преобладающей части курдского общества, которая в значительной степени определила многие особенности социальной жизни курдов до конца XIX столетия, и обилие межплеменных конфликтов создавали исключительно благоприятные условия для политической активности шейхов, которые, как правило, находились вне трибальной организации и могли, таким образом, выступать в качестве идеальных посредников при разрешении конфликтной ситуации. Трибальные политические процессы, по определению М.М.Ван Брэйнесена, оставались безраздельным доменом шейхов.⁴ Суфийские мистические братства представляли в Курдистане единственную организацию, которая прорывалась через все трибальные границы. Для нее не существовало и политических границ, рассекавших страну курдов.

Начало выдающейся роли суфийских шейхов в социально-политической жизни курдов М.М.Ван Брэйнесен относит ко второй половине XIX столетия, к эпохе хаоса и беззакония, которая последовала за разгромом курдских эмиратов. В воцарившейся ситуации, когда число межтрибальных конфликтов резко возросло, шейхи действительно процветали, и М.М.Ван Брэйнесен делает следующий вывод. В то время, как прежде, по заключению автора, ни один из известных ему шейхов не был в первую очередь политическим лидером, с этого периода почти все значительные политические лидеры в Курдистане были шейхами или, по крайней мере, принадлежали к шейхским семьям.⁵

Весьма ценное социологическое наблюдение голландского ученого нуждается, по мнению автора этих строк, в дополнении. Представляется, что роль политического лидера сопутствовала выдающимся шейхам и в более ранние периоды распространения суфизма в Курдистане. И дело заключалось не только и даже не столько в отмеченной М.М. Ван Брёйнесеном способности шейхов манипулировать трибальными вождями и их конфликтами, а через них, соответственно, и целыми племенами.

Как можно заключить из текста "Шараф-наме" Шараф-хана Бидлиси, институт духовного наставничества стоит у колыбели многих правящих фамилий Курдистана, выполняя роль социального трамплина для попадания в высшее сословие курдского нобилитета. Одни из этих фамилий превратились в светских феодалов и обзавелись традиционной элитарной курдской титулатурой, другие сохранили теократический оттенок власти и, по всей видимости, весьма дорожили духовными званиями шейха и пира. Связь между правителем-шейхом или пиром и его подданными, которые были и его мюридами, была несомненно более тесной и идеологически прочной. Повиновение приобретало характер послушания мюридов своему духовному наставнику, а хорошая служба рассматривалась как правило суфийского поведения.⁶ В социально-политическом функционировании отдельных династий курдских правителей наблюдается постоянный переход от выполнения функций идеологического лидера к функциям лидера политического и обратно.

Через ступени мистицизма прошли родоначальники и первые представители династии вождей могущественного племени мирдаси, выступавших феодальными владельцами трех районов Диарбекирского вилайета в Центральном Курдистане.⁷ Три представителя фамилии именовались пирами, и первый из них, Пир Мансур "был мужем набожным, благочестивым и богобоязненным и время от времени ушами разумения внимал тайным божественным откровениям". День и ночь посвящал он подвижничеству и умерщвлению плоти, призывал население той страны к послушанию и служению богу, пока большинство жителей не стали его мюридами.

Сын Пир Мансура Пир Муса уже основал дервишескую обитель и также весьма преуспел в распространении своего влияния. Его адептами стали большинство мирдасийцев и жители окрестных районов. А слава его, как духовного наставника, все росла, пока "знать и простой народ того вилайета не вдели в уши кольца повиновения и не возложили на плечи ковер р а б с к о й п о к о р н о с т и". Следующему представителю фамилии Пир Бадру уже не составило большого труда, используя пылкую преданность своих мюридов, присоединить к духовной власти власть светскую, и с помощью аширата мирдаси он завладел крепостью и областью Агиль. Еще два поколения,

и потомки Пир Мансура, ставшие эмирами племени мирдаси, уже именуется беками, т.е. заняли место в сословии бегзаде.

Весьма заметную теократическую окрашенность имела власть правителей Чамишгезека, которые, по словам Шараф-хана Бидлиси, на весь Курдистан славилась многочисленностью своих племен и приверженцев. Их вилайет занимал столь обширную территорию, - писал историк, - что и "отмеченные великолепием хаканы", и простой народ называли область Курдистаном и, когда в курдской среде упоминали Курдистан, имели в виду Чамишгезек.⁸

Первый правитель из этого дома, которого называет Шараф-хан, носил духовное звание шейха и именовался Шейх Хасаном. Он весьма успешно противодействовал усилиям династии Ак Коюндлу "истребить и уничтожить правителей Чамишгезека". Сын и внук Шейх Хасана именовались беками, а облеченный полнотой светской власти правнук Пир Хусейн-бек сочетал в своем имени духовное звание с элитарным титулом. Отмеченное сочетание ограничивается тремя зафиксированными в "Шараф-наме" именами курдских правителей, из которых одно принадлежало упомянутому правителю Чамишгезека первой половины XVI в. Интересно, что ни один из шестнадцати сыновей Пир Хусейн-бека не носил духовного звания - все они именовались беками.⁹

Аналогичная мобильность перехода от исполнения духовных функций к функциям политического лидера и обратно наблюдается не только на примере семьи правителей Чамишгезека.¹⁰ Звание шейха носил один из сыновей прародителя династии миров Сорана Шейх Увейс и звание пира - один из его внуков, Пир Будак. Последний завладел долей наследственного вилайета наравне с тремя братьями, которые именовались мирами, и благодаря ратным подвигам в сражениях с кызылбашами даже приумножил свои владения.¹¹

Весьма любопытную информацию в данном аспекте представляет история эмиров думбулийского племени. Основателем династии Шараф-хан Бидлиси называет Иса-бека, чей титул указывает на принадлежность к элитарному сословию бегзаде, или, по крайней мере, - на происхождение от потомственных беков. Однако его потомок, добившийся "высоких степеней", именовался и шейхом, и беком, а именно, Шейх Ахмад-беком. Два его сына также носили духовные звания, а наследовавший власть отца Шейх Бахлудь-бек - и элитарный титул. Все последующие эмиры племени думбули, упоминаемые в "Шараф-наме", именовались беками.

Трудно восстановить причинно-следственную связь описанных фактов с определенностью. В случае с правителями племени мирдаси,

как и с эмирами Майяфарикина и племени махмуди, ¹² институт духовного наставничества явно выполнил роль социального "лифта", доставившего их в сословие бегзаде. Для эмиров Думбулийской фамилии такой лифт, на первый взгляд, не требовался, поскольку основатель дома уже носил бегский титул. Однако несомненно, что возвышение фамилии эмиров Думбули и достижение ею "высоких степеней" связано с институтом духовного наставничества и им обусловлено. Для достижения реального высокого политического статуса в данном конкретном случае институт суфизма оказался более мощным и дееспособным, нежели одно происхождение из бегзаде.

Приведенные примеры не единственные. Институт духовного наставничества можно обнаружить и в предистории княжеских домов Бабан и Бани Арделан. Огромная взрывная и мобилизующая сила от сочетания мистицизма с политикой давно использовалась курдскими политическими функционерами на практике. Курдские шейхи успешно сочетали мистические настроения с политической активностью и весьма преуспели в использовании мощного мобилизующего потенциала религии в политических целях задолго до второй половины XIX столетия. Институт духовного наставничества широко использовался в социально-политической сфере как для достижения высших статусных позиций, так и для закрепления достигнутого или пошатнувшегося политического положения и власти.

1. EI², vol. I, p. 475.

2. C.J.Edmonds. Kurds, turks and arabs. Politics, travel and research in north-eastern Iraq 1919-1925. L., 1957, p. 74.
3. Cl.J.Rich. Narrative of a residence in Koordistan and on the site of ancient Nineveh, with journal of a voyage down the Tigris to Bagdad and an account of a visit to Shirauz and Persepolis. L., 1936. Vol. I, p. 141.
4. M.M. Van Bruinessen. Agha, shaikh and state. On the social and political organization of Kurdistan. Utrecht, 1978, p. 257.
5. Ibid., p. 292-293.
6. И.П.Петрушевский. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XV - начале XIX вв. Л., 1949, с. 93.
7. Шараф-хан ибн Шамсаддин Бидлиси. Шараф-наме. Перевод, предисловие, примечания и приложения Е.И.Васильевой. Т. I. М., 1967, с. 232-234.
8. Там же, с. 221.
9. Там же, с. 225.
10. Легкость перехода от духовных функций к светским и обратно

отмечена и в других сферах ислама. См.: И.Е.Петросян. Улемы в составе яньчарского войска. - Духовенство и политическая жизнь на Ближнем и Среднем Востоке в период феодализма. М., 1985, с. 152.

11. "Шараф-наме". Т. I, с. 322-324.

12. Там же, с. 349, 319.

Т.И.Виноградова

ИЗОБРАЖЕНИЕ БАТАЛЬНЫХ СЦЕН НА КИТАЙСКОЙ ТЕАТРАЛЬНОЙ НАРОДНОЙ КАРТИНЕ - НЯНЬХУА (年畫).

В данной статье речь пойдет о картинах, созданных на сюжеты исторических пьес традиционного Пекинского театра - цзинцзюй (京劇). Изображение батальных сцен на таких картинах существенно отличается от аналогичных сцен на картинах, иллюстрирующих фантастическую драму. Последние подчиняются своим законам, которые ниже рассматриваться не будут.

Среди всех картин, сюжет которых восходит к исторической драме, чаще всего встречаются няньхуа с изображением различного рода вооруженных конфликтов. Это не случайно. Исторические пьесы в большинстве своем посвящены далеко не мирным страницам китайской истории. Существовали и чисто художественные причины пристрастия мастеров няньхуа к изображению батальных сцен. Костюмы и грим актеров, занятых в военных пьесах, были наиболее живописными, жесты военных персонажей отличались особой экспрессивностью. Кроме того, битвы разных масштабов являлись кульминационными сценами почти всех пьес, именно в них становилась окончательно ясна расстановка сил, добро торжествовало над злом, что, по замечанию В.М.Алексеева, непременно лежит в основе любой китайской пьесы.¹ Все эти причины повлекли за собой образование своеобразного поджанра военных театральных картин. Крупнейший китайский исследователь няньхуа Ван Шу-цунь неоднократно отмечал, что художники театральных картин имели четкую специализацию, разделяясь на "военных" и "гражданских".²

Ранее мы рассматривали классический традиционный тип театральной няньхуа,³ поэтому обратим внимание лишь на те черты, которые отличают "военную" картину от всех прочих. Прежде всего, это - использование основных предметов бутафории - столов и стульев - в "милитаристских" целях, исключительно для изображения кре-